

ВЕНГЕРО-СОВЕТСКИЙ СИМПОЗИУМ

С 14 по 16 октября 1969 г. в Москве проходил венгеро-советский симпозиум этнографов, созданный по инициативе советско-венгерской комиссии историков. Основной задачей симпозиума была постановка и обсуждение важной проблемы нашей науки — проблемы соотношения этнографической науки с историей и другими гуманитарными дисциплинами, сходства и различия в методологии их исследований.

Симпозиум открыл председатель советско-венгерской комиссии историков, академик А. А. Губер. Он приветствовал делегацию венгерских ученых, приехавших для участия в совещании. В своем кратком слове А. А. Губер отметил также особую важность поставленной на симпозиуме проблемы, так как одной из главных тем предстоящего в 1970 г. в Москве XIII Международного конгресса историков будет проблема соотношения истории и других общественных наук.

К симпозиуму было подготовлено в письменном виде 15 докладов, из них 8 венгерскими этнографами и 7 — сотрудниками Института этнографии АН СССР. По своей тематике представленные доклады отчасти вышли за рамки основной проблемы симпозиума. Поэтому обсуждение докладов велось по трем группам, каждая из которых объединяла более или менее связанные друг с другом по поставленным вопросам и темам доклады.

В первую группу были выделены доклады, ближе всего касающиеся основной проблемы симпозиума: Ю. В. Бромлей (Москва) и О. И. Шкаратана (Ленинград) «Соотношение этнографии с историей и социологией»; Дюла Ортутан (Будапешт) «Традиции и изменения, народная культура»; Бела Гунды (Дебрецен) «Историзм и функционализм в этнографии»; Ю. П. Аверкиевой (Москва) «Соотношение понятий „культурная антропология“ и „социальная антропология“ в странах Запада» и Е. Барабаша (Дебрецен) «Пространство и время в этнографическом исследовании».

Наиболее тесно был связан с темой симпозиума доклад Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана, в котором был поставлен вопрос о соотношении этнографии с другими гуманитарными дисциплинами, занимающимися изучением всех сторон жизни общества, особенно с историей и социологией. Авторы доклада подчеркнули, что нерешенность вопроса о взаимосвязи и разграничении этнографии со смежными науками затрудняет разграничение между ними и, в то же время, совместные исследования ведут, с одной стороны, к ненужному дублированию, а, с другой стороны, тормозят исследование многих важных вопросов жизни общества.

В докладе была сделана попытка выделить общие и специфические черты истории, этнографии и социологии. Так, по мнению Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана, у истории и этнографии есть немало общих зон исследовательских поисков (например, этническая история, общая история культуры, быт народа), хотя специфичность подхода к рассмотрению изучаемых объектов и в этих случаях сохраняется. Но этнография имеет и исследовательские зоны, выходящие за рамки исторической науки: изучение этнической специфики жизни современных народов. И в этой области она входит во взаимодействие с другой гуманитарной дисциплиной — социологией.

Подчеркивая общие черты вышеназванных наук в их подходе к изучению общества, авторы доклада в то же время отметили и специфичность методики этнографических исследований, в значительной мере предопределенной тем, что этнография изучает не только прошлое, но и настоящее народов: это широко распространенный в этнографии метод непосредственного наблюдения (полевые экспедиции).

Различия в методологии трех наук проявляются, прежде всего, в специфике способов познания. Характерной чертой процесса познания, присущего этнографической науке, является рассмотрение единичного явления лишь как базиса для выявления особенного.

Во вступительном слове, предшествовавшем началу дискуссии по этому докладу Ю. В. Бромлей остановился на проблеме выделения четких критериев для понимания предмета нашей науки. По его мнению, таким критерием может служить этническая специфика культуры. Ю. В. Бромлей обратил также внимание присутствующих на то

что в разные исторические периоды этническая специфика проявляется по-разному. На ранних ступенях своего развития этнография совпадала как с историей культуры, так и с социологией, но в дальнейшем этническая специфика из области материальной культуры перемещается в сферу духовной жизни, а у современных народов все более уходит в глубины этнической психологии. Предметные области наук при изучении современной жизни разграничиваются, но в то же время, возникает задача кооперирования их исследований. Такую кооперацию авторы доклада кладут в основу предлагаемого ими объединения этнологии и социологии — этносоциологии, основной целью которой является изучение этнических процессов в разных социальных средах.

Проблема большой методологической важности была поставлена в докладе Д. Ортутаи. Он выдвинул для дискуссии вопрос о взаимозависимости традиций и изменений, их тесной диалектической связи в различных областях народной культуры. По мнению докладчика, и в фольклористике, и в этнографии нельзя исследовать явления крестьянской культуры чисто хронологическим методом. Исследование можно проводить лишь с применением сравнительных, комплексных методов, т. е. метода историко-диалектического. Далее Д. Ортутаи развивал свою мысль о том, что закон связи между традиционными, изменяющимися и новыми элементами является следствием того, что экономические и социальные факторы, определявшие культуру крестьян в эпоху капитализма, возникли еще при феодализме и в течение долгих десятилетий при капитализме оставались неизменными. Поэтому традиция смогла на протяжении долгого исторического периода приспосабливаться к новым формам; поэтому же это историческое взаимопроникновение, соседство традиций и изменений долго было характерной чертой исторического развития крестьянской культуры. Свою мысль автор проиллюстрировал несколькими примерами из области венгерского фольклора.

Проблема связи историзма и функционализма была поставлена в интересном докладе Бела Гунды. Первая часть его доклада была посвящена критическому обзору развития исторического и функционального направлений в этнографической науке с начала нашего столетия. Он отметил, что историзм и методы исторической реконструкции при этнографическом исследовании были неодинаковы у представителей различных направлений, например, у эволюционистов и сторонников культурно-исторической школы.

Развитие функционализма в этнографии связано с именем Б. Малиновского. Его функционализм отличается, прежде всего, антиисторизмом. Однако, по мнению автора, в этнографии, как и в любой другой науке, различные методы могут дополнять друг друга, способствовать достижению единой цели. Исходя из этого, Бела Гунда поставил в своем докладе вопрос о связи исторического и функционального направлений в этнографии. По его мнению, оба направления в сущности дополняют друг друга примерно так, как структурализм в языкознании дополняет направление, занятое изучением исторического развития языка. Исследование культуры современных народов можно осуществлять лишь на основе соответствующего исторического подхода, но в рамках такого историзма должно иметь место и исследование функций изменений, внутренних взаимозависимостей.

Ю. П. Аверкиев в своем докладе коснулся терминологических проблем нашей науки. Докладчица подробно остановилась на истории ввода в научный оборот термина «антропология» как обозначения науки о человеке и его культуре, говорила о последующем разделении этой всеобъемлющей науки о человеке на два больших раздела — физическая антропология и культурная антропология. Последняя изучает в совокупности всю культуру, главным образом остальных народов, хотя в последнее время ученые США высказываются за включение в рамки этнологии или культурной антропологии и изучения современных народов. Ю. П. Аверкиев отметил, что понятия «этнология», «этнография» и «культурная антропология», по существу, являются синонимами и что последний термин ближе всего соответствует определению предмета этнографической науки в СССР.

Выделение термина «социальная антропология» как обозначения самостоятельной науки связано с именами английских ученых — Фрезера, Малиновского и др. Эту науку характеризует, прежде всего, крайний антиисторизм. В докладе рассматривается изменение смыслового содержания термина «социальная антропология» во Франции и в скандинавских странах.

Идейной основой понимания антропологии как универсальной науки о человеке явился философский антропологизм, выдвигающий на передний план проблему человеческой сущности. Принципы антропологизма развиваются и ныне некоторыми западными этнографами и социологами-философами.

В настоящее время, в обстановке активизации теоретических поисков и идейной борьбы, в западной этнографии подвергается сомнению содержание термина «антропология», как универсальной науки о человеке.

Последний доклад этой группы, доклад Е. Барабаша, был посвящен важному методологическому вопросу — учету пространства и времени и их корреляционных связей в этнографических исследованиях. Существование пространственной дифференциации народной культуры создает возможности для вскрытия и исследования исторических и культурных процессов. По мнению Е. Барабаша, правильные теоретические выводы можно сделать лишь в том случае, если явление будет исследовано глубоко в хронологическом разрезе. А так как давать характеристику явлениям и фактам можно с достоверностью только в пределах 100—200 лет, следует применять при исследовании

и другие методы. Неравномерное развитие общества вызвало сильную пространственную дифференциацию народной культуры, которая часто представляла собой не что иное, как временные различия в развитии. Конкретное вскрытие фактов, обусловивших тождественность и различие явлений, является первой ступенью на пути изучения данного состояния пространственной дифференциации, выделения различных временных слоев, объяснения фазы развития. Автор полагает, что, отправляясь от проблем возникающих в связи с пространственным распространением культуры, охватывая многообразие, опираясь на живой этнографический материал, можно прийти к довольно убедительным выводам относительно феодальной и даже предшествующих ей эпох.

Целый ряд последующих докладов трактует вопросы методики исследования некоторых более частных вопросов этнографии; однако все эти доклады объединяет затрагиваемая в каждом из них проблема историзма.

Большой интерес у участников симпозиума вызвал доклад В. Диосеги (Будапешт) «Исторические выводы из исследования шаманизма». Докладчик удачно привел собранный им материал, а также неопубликованные материалы русских и венгерских исследователей по шаманизму для исследования некоторых проблем этногенеза сибирских народов. Так, В. Диосеги высказал интересные соображения о наличии самодского субстрата в этногенезе саянских оленеводов, о некоторых этапах этнической истории народов Западной Сибири.

В историческом аспекте рассмотрел развитие некоторых сельскохозяйственных орудий венгров И. Талаши (Будапешт) в докладе «Первое столетие смены орудий жатвы и последствия этой смены в позднейшее время».

Автор проследил в хронологической последовательности развитие жатвенных орудий в Венгрии — серпа и косы. Он обратил внимание на раннюю замену серпа косой при жатве зерновых. Употребление косы для уборки урожая у венгерских крестьян, по свидетельству письменных источников, наблюдалось уже в XV в. — раньше чем в других странах Западной Европы. И. Талаши привел свидетельства письменных памятников о постепенном распространении косы для жатвы зерновых в большей части Венгрии и о изменениях, происходивших в связи с этим в трудовых процессах во время уборки урожая. Перемены в орудиях жатвы и типах жатвы объясняются в докладе экономическими и социальными отношениями того времени.

В докладе Ф. Винце (Будапешт) «Сравнительные исследования по историческому этнографии восточноевропейской культуры винограда. Методологические предпосылки и результаты исследования» подытожены методологические и фактические достижения этнографических исследований в области виноградарства и виноделия. Докладчик остановился кратко на истории изучения этой отрасли венгерскими этнографами — от локальных, региональных описаний виноградарства до сопоставления и сравнения полученных материалов в пределах всей Венгрии. Такой анализ дал возможность выявить четыре областных производственных типа виноградарства на территории Венгрии, имеющих разное происхождение, различные исторические и культурные влияния и, в связи с этим, разное внутреннее развитие.

Сушественный вывод автора на основе многолетнего изучения развития венгерского виноградарства состоит в том, что постоянно меняющиеся общественно-экономические факторы влияли только на типы владений виноградниками, вопросы права, организацию труда, в то время как производственные методы, средства и технологические приемы оставались неизменными в течение веков. Благодаря этому они имеют особую ценность для освещения генетических и исторических проблем.

Т. Хофман (Будапешт) в своем докладе «Аграрная революция средневековья и историзм аграрной этнографии» рассмотрел проблемы аграрной революции средневековья на материалах Западной Европы и сделал попытку показать механизм этой революции. Автор проследил историческое развитие частных помещичьих хозяйств в разных областях Европы, увеличение их производительности, создание более интенсивной организации производства, совершенствование обработки земли. Постепенно под влиянием частных помещичьих хозяйств менялась организация и крестьянского хозяйства, увеличивалась численность крестьянских наделов. Этот процесс аграрного развития в XIII—XV вв. способствовал формированию новых, феодальных отношений. Краткий обзор аграрной революции в Европе является, по словам автора, иллюстрацией историко-философской аксиомы, согласно которой каждая социально-экономическая формация, каждое новое качество в жизни общества создают адекватные себе формы. Аграрная этнография, изучающая материальную культуру производства, должна всегда иметь в виду роль экономических закономерностей как факторов, преобразующих или ликвидирующих этнические традиции.

Важный вопрос был поставлен в докладе И. Балаши (Будапешт) «Исследование лексики и материальной культуры». Во все времена языкознание имело большое значение для этнографии, причем изучение лексики играло особенно важную роль в исследовании материальной культуры. На нескольких примерах автор показал возможности, которые открываются для этнографии при изучении венгерской лексики в области материальной культуры. Автор пришел к выводу, что исследование какой-то тщательно отобранной части лексики с исторической точки зрения, при условии сопоставления его результатов с данными истории и этнографии, может быть применено для лучшего познания процессов развития. Исследования такого рода приводят к познанию определенных закономерностей, в том числе и закономерностей изменения самой лексики. Многие выводы можно сделать и при анализе географических названий. Но при изучении топо-

нимов следует, прежде всего, раскрывать их производные существительные, их историко-этнографические аспекты. Роль лексики в изучении материальной культуры не исчерпывается позитивистским накоплением данных; исследование должно вестись и в области лексикологии, и в области этнографии в историческом аспекте.

Я. Манга (Будапешт) представил доклад «Исторические уроки анализа стиля народного декоративного искусства». Докладчик проследил развитие декоративного народного искусства от древнего геометрического стиля до искусства ренессанса. На венгерском материале Я. Манга показал одновременность изменений в фольклоре и народном искусстве, датируя процесс наиболее разительных перемен второй половиной XVIII — началом XIX вв. Я. Манга говорил также о многослойности венгерского народного искусства, связанного с многоукладностью быта в стране и с социальной структурой. В докладе были изложены некоторые методологические положения, важные для изучения народного искусства вообще. Так, автор указал, что для получения ценных обобщающих выводов нужно единство концепций и методов исследования народного искусства, хотя бы в ряде европейских стран. Я. Манга подчеркнул необходимость комплексного изучения изобразительного искусства народа, исследования его в связи с бытом, фольклором, общим развитием культуры.

Ко второй группе докладов примыкает историографический по своей тематике доклад С. А. Токарева (Москва) «Современное состояние этнографической науки во Франции». Этнография в этой стране делится довольно четко на две области знаний: этнографию вневвропейских народов, сложившуюся на почве колониальной экспансии XVIII—XIX вв., и этнографическое изучение своей страны, развившееся в связи с национальными и областными движениями главным образом в конце XIX в. В первой из этих областей знания создано много теоретических обобщений, и по своему развитию она не уступает таким передовым в этом отношении странам, как Англия и Германия. Вторая же область французской этнографии остается в значительной мере эмпирической, описательной наукой. В общей и теоретической этнографии во Франции в конце XIX в. зародилось новое направление — «социологическая» школа Э. Дюркгейма, оказавшая глубокое влияние на этнографию многих европейских стран. Автор отметил также большое влияние на французскую этнографию географического метода, обусловившего возникновение особого направления во французской этнографии — «географии человека», и большое распространение в последнее время структурализма. В заключение С. А. Токарев остановился на ощущаемом все сильнее влиянии марксизма на историческую и этнографическую науку Франции.

Третья группа докладов преимущественно затрагивала соотношение этнографии с другими гуманитарными дисциплинами.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Опыт этносоциологического исследования» были поставлены некоторые вопросы методики и методологии этносоциологических исследований на основе изучения татар Поволжья. Цель таких исследований состоит в том, чтобы показать своеобразие этнических процессов в разных социальных средах. Автор отметил, что для определения направления этнических процессов в социальных средах важно выявить области, где стыкуются этнические и социальные отношения.

Большое значение для конкретно-социологических исследований имеет правильное разрешение методических вопросов — отбор объектов, выбор и подготовка инструментария. Автор подчеркнул также особую важность учета влияния экологии на социально-этнические процессы.

Доклад О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой (Москва) «Этнические процессы и семья» был посвящен методике и предварительным результатам исследований национальных взаимоотношений, проявляющихся в семье. Статистические материалы по межнациональным бракам и по определению национальной принадлежности молодежи из национально-смешанных семей собирались в загсах и отделениях милиции многих городов СССР. При обработке статистических материалов была применена теорема умножения вероятностей. В каждом из вариантов национально-смешанных браков, равно как и браков однонациональных, сопоставляется частота смешанных браков и та теоретическая вероятность, которая должна была бы иметь место при независимости браков от национальности. Авторы доклада рассказали также о некоторых итогах анализа массовых статистических материалов по определению национальной принадлежности молодежи из национально смешанных семей.

О соотношении этнографии с географией говорилось в докладе С. И. Брука (Москва) «Атлас населения мира. Основные проблемы этнографии и демографии»¹.

И, наконец, некоторые насущные проблемы фольклористики были рассмотрены в докладе К. В. Чистова (Москва) «Специфика фольклора в свете теории информации».

Большим положительным фактором в работе симпозиума было активное участие всех присутствовавших в дискуссиях по каждому докладу. Широкому разворачиванию дискуссии в известной мере способствовало то, что с текстами докладов участники симпозиума знакомились заранее, и поэтому, на заседаниях не тратилось время на их чтение.

¹ См. С. И. Брук, Атлас населения мира (основные проблемы демографо-этнографического картографирования), «Сов. этнография», 1970, № 1.

Не имея возможности информировать читателей о всех выступлениях, остановимся вкратце на ходе обсуждения первых трех докладов, вызвавших особенно оживленную дискуссию.

Все выступавшие в прениях по докладу Ю. В. Бромлея и Е. И. Шкаратана отмечали, что поставленные в нем методологические и теоретические проблемы очень своевременны и ценны. Никаких возражений против основных положений доклада и было, замечания выступавших сводились к уточнению, дополнению и дальнейшему развитию некоторых мыслей докладчиков.

Д. Ортутан остановился на проблеме соотношения этнографии и фольклора. Он высказал согласие с предложенной трактовкой этнопсихологии и этносоциологии. Это закономерное развитие науки, когда на стыке двух дисциплин возникает новая.

Т. Хофман обратил внимание на то, что теоретически предмет различных научных дисциплин нетрудно определить, однако на практике это сделать сложнее. Следует смело преодолевать старые представления о разделении труда между отдельными дисциплинами. Необходимо развивать комплексные методы исследования.

Ю. П. Аверкиева остановилась на соотношении этнографии и социологии. По ее мнению, этнографов от социологов отличает больший историзм в подходе к изучаемым явлениям. Ю. П. Аверкиева высказалась также за более четкое определение таких понятий, как «метод», «методика», «методология».

Бела Гунда обратил внимание на то, что математику и математические методы следует использовать в социологических науках с большой осторожностью, не забывая, что культура охватывает такие явления и процессы, которые никакими математическими средствами и методами нельзя изучить. Он остановился также на большом значении для этнографии не только этнопсихологии, но и индивидуальной психологии: люди с разными характерами, например, по-разному воспринимают традиции.

Е. Барабаш развил дальше положение Ю. В. Бромлея об этнической специфике культуры. По его мнению, критерием может служить то, что таких особенностей и черт нельзя найти у другого народа. Но при этом обязательно должен быть привлечен большой сравнительный материал. Вторую часть своего выступления Е. Барабаш посвятил соотношению социологии и этнографии. Социологическое и этнографическое изучение примитивных обществ совпадают, но при исследовании более развитых обществ обе науки дифференцируются. Е. Барабаш счел неудачным термин «этносоциология» так как здесь акцент делается на социологию; предпочтительнее, по его мнению, термин «социоэтнология».

В. В. Пименов (Москва) предложил для лучшего решения вопроса об этнической специфике рассматривать ее в каждом историческом периоде в статике, тогда ее легче можно уловить.

Оживленные прения вызвал также доклад Д. Ортутан. П. Г. Богатырев (Москва) назвал доклад новаторским. Он высказал пожелание, чтобы поставленные проблемы были разработаны дальше и в фольклористике, и в этнографии.

С. А. Арутюнов (Москва) считает проблему соотношения традиций и новаций, поставленную в докладе, очень важной. Он остановился главным образом на определении понятия «традиция». По его мнению, существуют понятия научное и обиходное, журналистско-публицистическое. В основе традиционности явлений лежит их цикличность. Циклической основой существования традиций является поколение. Лишь после полной смены поколений, т. е. через 70—80 лет, происходит процесс перехода от новации к традиции. Совокупность всех традиций этноса и определяет собой этническую специфику.

В. К. Соколова (Москва) указала на то, что даже в кратком докладе автор очень удачно показал, как разнообразно в ряде случаев используется традиция. Характер ее использования зависит от времени, от эпохи, в которых она существует. В. К. Соколова обратила также внимание на то, что в каждом жанре устного поэтического творчества народа есть свои способы, свои особые приемы использования традиций, разное соотношение традиций и инноваций.

Большая актуальность поставленной Д. Ортутан проблемы была подчеркнута в выступлении Э. В. Померанцевой (Москва). Она рассказала о том, что в западноевропейской науке (в частности, в ФРГ) сейчас остро стоит проблема изучения современности. Но нередко в появляющихся в связи с такой постановкой вопроса работах вообще отрицается роль традиций.

Столь же оживленно обсуждался доклад Б. Гунды. О. И. Шкаратан отметил, что проблема связи исторического и структурно-функционального метода — общая для всех общественных наук. Он согласился также с мыслью докладчика, что в объяснении перехода от структурного рассмотрения общества к рассмотрению процессов, в нем происходящих, должна быть использована категория потребности, но ее нужно дополнить, по мнению О. И. Шкаратана, также категорией интереса.

Ю. П. Аверкиева отметила, что в докладе не всегда четко дано определение историзма. Следовало бы указать, что в западноевропейской и американской этнографии встречаются различные его толкования и все они не имеют ничего общего с марксистским пониманием историзма как признанием закономерности исторического процесса, как анализа поступательного развития общества и его единого внутреннего закономерного и необходимого характера. Функциональный анализ позволяет вскрыть устойчивую связь между элементами системы, но установление простого взаимодействия элементов

недостаточно для определения динамики причинных связей. В этом ограниченность функционального анализа.

К. В. Чистов привел некоторые данные по истории развития структурализма в современной лингвистике, филологии, в области психологии, психологии искусств, в киноискусстве. Накопленный опыт свидетельствует о том, что надо стремиться поставить функционально-структурные методы на службу исторического изучения культуры и народного быта.

Подводя итоги работы симпозиума, Ю. В. Бромлей в заключительном слове отметил большую плодотворность проведенных заседаний. Встреча дала возможность установить более широкие контакты между советскими и венгерскими этнографами, обменяться информацией о проводимых ими исследованиях. Он выдвинул предложение собраться еще раз, но уже для обсуждения какого-то более конкретного вопроса. Для ознакомления широких кругов венгерских и советских этнографов с результатами симпозиума желательно опубликовать доклады венгерских коллег в советских периодических изданиях, а советских — в соответствующих венгерских.

Глава венгерской делегации академии Д. Ортутай также отметил несомненную пользу проведенного симпозиума. Для венгерских этнографов большой интерес представляли все выступления советских товарищей. Д. Ортутай целиком поддержал предложение Ю. В. Бромлея о публикации докладов и о проведении следующей встречи для обсуждения более конкретных вопросов этнографической науки.

В программу симпозиума входила поездка в Таллин, где группа венгерских ученых была принята президентом Академии наук ЭстССР академиком Веймером, а также посетила Институт истории и Институт языка и литературы АН ЭстССР. Помимо общего ознакомления с работой этих институтов, венгерские ученые смогли побеседовать с эстонскими учеными по отдельным интересующим их вопросам. Были осмотрены также Парк-музей народного зодчества в Рокка-аль-Маре и архитектурные памятники города. По инициативе Министерства культуры, гостям были продемонстрированы научно-популярные фильмы, посвященные культурной жизни республики. Была совершена также экскурсия в один из эстонских колхозов — колхоз им. 9 мая Пайдеского района.

И. Н. Гроздова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ФИНЛЯДИЮ

В 1967 и 1968 гг. проводились совместные советско-финские экспедиции по антропологическому обследованию населения Финляндии. С советской стороны в этих экспедициях участвовали К. Марк и Н. В. Шлыгина, получившие ценный антропологический материал по антропометрии, группам крови, дерматоглифике и зубной системе. В 1969 г. советские специалисты вновь были приглашены в Финляндию, чтобы продолжить длительное сотрудничество, которое осуществляется через Межправительственную Советско-Финляндскую Комиссию по научно-техническому сотрудничеству. Международная антропологическая экспедиция 1969 г. в Финскую Лапландию (пос. Инари) была организована секцией адаптации человека (руководитель проф. Дж. Вайнер) Специального комитета по проведению «Международной биологической программы». В составе экспедиции работали группы от Норвегии, СССР, Финляндии, ФРГ, Швеции. Советский Союз представляли три специалиста: К. Марк (Институт истории АН Эстонской ССР), Н. В. Шлыгина и А. А. Зубов (Институт этнографии АН СССР).

Целью экспедиции было широкое и всестороннее обследование лопарского населения Финляндии, которое подразделяется на три основные группы: северные, горные, или оленные, инарские, или рыболовецкие, и скотлы — православные лопари, родственные кольским лопарям из Советского Союза. Перед экспедицией были поставлены следующие задачи: изучение микроэволюционных сдвигов в популяции с учетом влияния фактора изоляции и условий обитания; оценка размаха вариаций морфофизиологических признаков внутри семей и от семьи к семье; влияние возраста матери, числа детей на развитие каждого ребенка; влияние питания и климатических условий на рост и развитие; вопросы биологии роста по отношению к процессам формирования скелета; сходство и генетическое родство с другими популяциями в связи с проблемой этногенеза.

Работа в Инари велась с 28 июля по 28 августа. Экспедиция была размещена в школе-интернате этого поселка, так как сюда было удобнее всего добираться лопарям из различных мест, а также потому, что школа имела достаточное количество помещений как для размещения лабораторий, так и для устройства участников экспедиции, которых было свыше 60 человек.

Люди, подлежащие обследованию, были заранее выбраны организаторами экспедиции при помощи местных специалистов. Для установления «чистоты» происхождения каждого человека были использованы данные церковных книг, дополненные устными сообщениями населения. Группа скотлов мало смешана с финнами и другими лопарски-